

УДК 1(091)+355.01

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент (Военная академия Республики Беларусь)**АНТИНОМИЯ ВОЙНЫ И МИРА В ФИЛОСОФИИ Я. ПАТОЧКИ**

В статье анализируется экзистенциально-феноменологический подход чешского философа Яна Паточки к определению природы войны. Автор статьи рассматривает данный подход как одну из попыток рационализации войны, в данном случае – через раскрытие антиномичной природы социального бытия как противоречивого единства войны и мира, при котором война предстает как стремление к миру, а мир – как подготовка к войне. Современная ситуация социально-экономического кризиса, непрекращающиеся военные конфликты и терроризм доказывают неспособность человека победить в войне, которая стала «борьбой за мир», так как в глобализирующемся мире условием возможности мира уже давно стала война, а мир уже давно перестал быть мирным.

The article analyzes the existential-phenomenological approach of the Czech philosopher Jan Patočka to determine the nature of the war. The author considers this approach as one of the attempts to rationalize the war, in this case, through the disclosure antinomic nature of social existence as a contradictory unity of war and peace in which war is presented as a desire for peace, and the world – as a preparation for war. The current situation of social and economic crisis, the ongoing military conflict and terrorism prove man's inability to win the war, which has become a "struggle for peace", as in a globalizing world, the condition of possibility of the peace has long been a war, and the world has long ceased to be peaceful.

Введение. Сама постановка философского вопроса о сущности войны является проблемой, так как, находясь за рамками рационализации, война выносится и за рамки человеческого, исключается из сферы нормального, признается чем-то алогичным. Однако, с другой стороны, война является «пограничным» социальным явлением как в контексте проблематики смерти и экзистенции человека, так и в качестве бифуркационной неопределенности исторического бытия в этом социальном конфликте. Экзистенциально-феноменологический подход чешского философа Яна Паточки разрешает обозначенное выше противоречие философского анализа войны, а именно: единство онтологической неизбежности и проблематичности рационализации войны.

В своем эссе «Войны XX века и XX век как война» Я. Паточка, реализуя экзистенциально-феноменологический подход к определению сущности войны, раскрывает антиномичную природу социального бытия как противоречивого единства войны и мира: война как стремление к миру и мир как подготовка к войне. В частности, антиномичность Второй мировой войны проявляется в том, что она не закончилась, а перешла в какое-то странное состояние, которое нельзя четко определить ни как война, ни как мир. Антиномичность войны проявляется в том, что она рассматривается всегда с позиции «мира, дня и жизни», что в итоге, с точки зрения чешского философа, исключает темную, ночную сторону жизни.

Основная часть. Причины и особенности ведения войн вплоть до XX века предполагали

их частный характер. Другими словами, война представляла собой не отрицание, а, наоборот, подтверждение мира. Если в осуществлении заботы о войне не иметь в виду конечную цель – мир, то агрессивная сила, пробуждаемая войной, захлестнет государство, создав опасность его уничтожения. Таким образом, окончание войн должно было подразумевать обеспечение мира, что в итоге изначально наделяло войну возможностью быть рационализированной. Однако уже Первая мировая война утрачивает эту возможность вместе с утратой частного характера, что свидетельствует о стирании грани между войной и миром. Так, мир теряет свою общезначимость и всеобщность, а война – свою позитивную цель. В качестве такой позитивной цели, если использовать терминологию Г. Гегеля, может выступать «потрясение», которое необходимо гражданской жизни, чтобы она не окостенела. Поэтому объяснение войн XX века с позиции войн XIX века неправомерно, так как не раскрывает сущности современной войны и не постигает основополагающих принципов XX века как «эпохи ночи».

Я. Паточка в своем эссе поставил задачу разъяснить природу войн XX века, отметив при этом: «То, что сама война может что-то объяснить, что она сама по себе имеет силу, наделяющую смыслом, – эта идея чужда всем философиям истории, а поэтому и всем известным нам экспликациям мировой войны» [1, с. 149]. Истолковывая мировую войну через открытие феномена ночи, Я. Паточка опирается на «Летопись военного времени» Тейяра де Шардена,

отмечая при этом, что величайший опыт фронта и пребывания на линии огня заключается именно в том, что он заставил увидеть ночь и уже не позволяет забыть о ней. Несмотря на то, что с позиции дня жизнь представляет собой высшую ценность, которая правит человеком через требование избегать опасности смерти, на фронте она уступает место жертве, в которой обнаруживается свобода от всех интересов мира, жизни и дня, так как от тех, кто «приносятся в жертву, требуется лишь выдержка перед лицом смерти». Таким образом, вслед за Шарденом Паточка повторяет, что самое глубокое открытие фронта состоит в переживании «обрыва жизни в ночь, борьбу и смерть, осознание, что их нельзя списать со счетов жизни, хотя с точки зрения дня они кажутся просто небытием» [1, с. 151].

Риторика XX века как «эпохи ночи, войны и смерти» не может быть описана в терминах XIX века. Являясь, согласно Я. Паточке, следствием онаучивания, война, тем не менее, не поддается рационализации, поскольку не имеет смысла в себе самой. Что же означает его утверждение о том, что Вторая мировая война не закончилась, а перешла в странное состояние «ни войны, ни мира»? Используя его определение войны через феномен ночи, можно ответить так: мир властвует над человеком через угрозу смерти, а воля к войне ориентируется на будущее поколение, т. е. на мир. Таким образом, война сопутствует миру, закрывающему глаза на смерть.

Различие между войнами Я. Паточка видит в их идейности. Войны всегда проходили на фоне всеобщего убеждения в наличии позитивной идеи, например, идеи о том, что разум управляет миром. Что же касается войн XX века, то их питает идея о том, что не существует никакого вечного объективного смысла мира и вещей и что смысл можно установить только посредством силы. Первая мировая война определила весь характер XX столетия прежде всего потому, что показала, что «преобразование мира в лабораторию, где актуализируются запасы энергии, аккумулированные на протяжении миллиардов лет, должно осуществляться именно посредством войны. Поэтому война имела значение определяющего прорыва в том понимании сущего, исток которого принадлежит XVII веку и которое связано с возникновением механистического естествознания, с отстранением всех «конвенций», стоящих на пути этого высвобождения силы, – путем переоценки всех ценностей под знаком силы» [1, с. 154]. В силу этого энергетическое преобразование мира должно происходить посредством войны, потому что война

как крайняя форма столкновения является самым интенсивным средством быстрого высвобождения аккумулированных сил.

Мысли о войне Я. Паточки созвучны идеям немецкого мыслителя Э. Юнгера. Более того, творчество Э. Юнгера позволило Я. Паточке взглянуть на Первую мировую войну как на прорыв в преобразовании XX века. Объединяет их и претензия на определение метафизического характера мировой войны. Так, в частности у Э. Юнгера, метафизический характер войны есть не что иное, как тотальная мобилизация, выступающая в форме технической революции. Я. Паточка раскрывает метафизическое основание преобразующей силы, разрушающей иллюзорность мира. Переживание войны и описание фронтового опыта занимают одно из центральных мест в мироощущениях Э. Юнгера и Я. Паточки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оба мыслителя воспринимают Первую мировую войну как событие, радикально определившее исторические черты новой эпохи, ознаменовавшее поворот, смену эпох. Так, например, в событии войны Э. Юнгер открывает огромный революционный потенциал, а именно, благодаря осмыслению войны как космического феномена жизни, примиряющего и объединяющего в себе дневную и ночную стороны, он фиксирует переход войны из частичного состояния в состояние тотальное. Такое понимание войны как тотальности позволяет Э. Юнгеру увидеть в технической революции современности скрытый «военный потенциал», выражающийся в том, что техника, обнажая свой военный характер, одновременно выдает свою связь с жизнью, является «инструментом жизни». Так, военный потенциал техники открывает возможность для преобразования мира, смены эпох. Вот как об этом пишет Э. Юнгер: «В смертельно искрящихся зеркалах сражения военной техники мы узрели крушение безнадежно потерянной эпохи» [2, с. 451]. Таким образом, в эпоху масс и машин образ войны вписывается в повседневную жизнь, становится составляющей мира. При этом, как отмечает Я. Паточка, силы дня, которые на протяжении XX века посылали миллионы людей в огненную геенну войны, не умирают, а только исчерпываются, и им все равно, уничтожать или организовывать массы.

В раскрытии природы войны у Я. Паточки прослеживаются и экзистенциальные мотивы. Он обращается к описаниям фронтового опыта Э. Юнгера и Тейяра-де-Шардена, испытавшим потрясение фронта, которое можно определить не просто как травму, а как основополагающее изменение в человеческом существовании. Несомненно, война как фронт отмечает

человека навсегда, проявляя экзистенциальный ужас, отличный от страха, боязни. Подчеркнем, что речь у Я. Паточки не идет о военной романтике и притягательности гибели, «то, что овладевает человеком на фронте, – это подавляющее все чувства ощущение смысловой полноты, которую, однако, трудно выразить с помощью слов» [1, с. 155–156]. Я. Паточка, анализируя фронтовой опыт, выделяет в его переживании несколько фаз.

Первая фаза – это переживание бессмысленности, абсурдности фронта и невыносимого ужаса. Осмысленной здесь остается только мысль о том, что мир, порождающий нечто подобное, должен исчезнуть. В силу этого второй фазой становится активное неприятие, которое выдается как борьба за мир. Ее следствием становится то, что, едва столкнувшись с потрясением мира, человек вновь «захватывается» силами мира, мобилизуясь для новой борьбы. Так, бессмысленность прежней жизни и войны учреждает смысл новой войны, войны против войны. Победа в такой войне является лишь видимостью, благодаря которой готовится будущее поражение, а поражение приводит к возникновению новых битв. То, что действительно побеждает в этой борьбе, – это сила, использующая мир как средство войны.

Так мир становится составной частью войны. Именно поэтому, отмечает Я. Паточка, Германия оказалась способной к повторению драмы 1914 года, т. е. способной ни к чему иному, как к повтору, сопровождаемому еще более бессмысленной военной машинерией, более изощренными актами насилия, мести и *ressentiment*. С точки зрения Я. Паточки, мир, жизнь, день властвуют над человеком при помощи смерти и угрозы для жизни. В воле к войне, таким образом, господствуют день и жизнь, использующие смерть. Воля к войне рассчитывает на будущие поколения, а значит, в ней господствует мир. Таким образом, от войны невозможно избавиться, так как, вооружаясь для защиты мира и тем самым подчиняясь господству жизни, мы обрекаем себя на войну.

Что касается третьей фазы переживания опыта фронта, то она связана с тем, что этот опыт взывает к ночи, даря абсолютную свободу. Мир, во имя которого мы ведем войны, господствует, посылая одних на смерть для того, чтобы у других был завтрашний день. Как уже было отмечено, от тех же, кого приносят в жертву, требуется выдержка перед лицом смерти. Наступает понимание того, что жизнь – это не все, от нее самой можно отказаться. С позиции мира и дня именно этот отказ и требуется. Опыт же фронта – это

абсолютный опыт, дающий возможность постигнуть абсолютную свободу, «свободу от всех интересов мира, дня и жизни». Оказаться способным к такой свободе, быть призванным в мир, который посредством конфликта мобилизует силу, – это значит одновременно преодолеть эту силу, суметь противостоять миру, ставшему волей к войне и опредметившему человека, «вывернув его наизнанку». Ночь, если следовать мысли Я. Паточки, раскрывает предельную возможность для жертвы провозгласить себя в качестве «истинной надындивидуальности». Враг перестает быть абсолютным противником, он становится соучастником постижения опыта абсолютной свободы, тем, с кем возможно «согласие в разногласии». Именно так, согласно мысли чешского философа, проявляется солидарность потрясенных вопреки противостоянию. Четвертой, и последней, фазой становится открытие наличия жизни в ночи, в смерти, преобразование жизненного смысла на границе с «ничто», что в итоге приводит к пониманию того, что именно сама жизнь и порождает войну, а война как средство силы, служащее ее высвобождению, не может закончиться сама собой. Я. Паточка сожалеет, что опыт абсолютной свободы, объединивший врагов в акте солидарности, не нашел применения в истории XX века, породившей такой феномен, как «война против войны».

Закключение. Вывод очевиден и печален, размах социально-экономического кризиса, нищета в странах «третьего мира», военные конфликты и терроризм доказывают неспособность человека глобализирующегося мира победить в войне, которая понимается как «борьба за мир», ведь условием возможности мира уже давно стала война, а мир уже давно перестал быть мирным. Я. Паточка видит только один выход из сложившейся ситуации – это реализация солидарности потрясенных, тех, кто понимает и не остается равнодушным и в чьих руках поэтому потенциально находятся все силы. В силу этого солидарность потрясенных может противостоять всем тем мобилизационным мероприятиям, делающим состояние войны непрерывным.

Литература

1. Паточка, Я. Еретические эссе о философии истории / Я. Паточка; пер. с чеш. П. Прилуцкого; под ред. О. Шпараги. – Минск: И. П. Логвинов, 2008. – 204 с.

2. Juenger, E. Feuer und Blut / E. Juenger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. – 584 s.

Поступила 07.03.2013